

Материал был подготовлен для веб-публикации и размещен на сайте «Великая французская революция» Юрием Карякиным (СПб) в 1999-2003 гг. К сожалению, редактор не указал имя автора перевода. Данный файл в библиотеке [Vive Liberta](#) является копией, в которую мы внесли некоторые тематические ссылки.

Также в нашей библиотеке:

- [М.-А.Шармело. Сен-Жюст, или Шевалье Органт. Перевод с французского Марты «Помню городок провинциальный...» - Марта о своей поездке в Блеранкур, на родину Сен-Жюста](#)
- [«Чужая память» - Татьяна Петрова заочно в Блеранкуре](#)
- [Т.Черноверская. Первый опыт осмысления происходящего: «Дух Революции и Конституции во Франции» Л.-А.Сен-Жюста](#)
- [«Сен-Жюст и сила обстоятельств» - впечатления о фильме](#)
- [Eleonore. О портретах Сен-Жюста и его образе в исторической литературе](#)
- [Портрет из Блеранкура: в ожидании разгадки](#)
- [Марта. Размышления о портретах Сен-Жюста](#)
- [Марта. Образ Сен-Жюста в художественной литературе](#)
- [Обсуждение темы \(Eleonore, Машетта, Ната Мишлетистка\)](#)
- [Татьяна Петрова. Автобус-призрак](#)
- [Элизи-ум. Т.Петрова, С.Труфанова](#)
- [Ольга Кондратьева. Стихотворения и проза](#)
- [Дж.Б.Мортон о нем и Анриетте Леба \(перевод Елены Шонь и Татьяны Черноверской\)](#)
- [Тереза или Анриетта?.. По страницам книги А.Левандовского «Кавалер Сен-Жюст».](#)
- [Комментарии Eleonore](#)
- [Анриетта! У Ромена Роллана - своя версия](#)
- [Сен-Жюст в драме Ф.Раскольникова «Робеспьер»](#)
- [Марта. 10 термидора XVII года Республики: Первый гражданин](#)
- [Теплая осень, ледящий термидор: две встречи](#)
- [Дебаты о Конституции 1793 года](#)
- [В.Бредель. Комиссар Рейнской армии](#)
- [Ал.Исбах. Знамена Вальми](#)
- [А.Чаковский. Сен-Жюст](#)
- [Т.Черноверская. Жизнь и деятельность Л.-А. Сен-Жюста \(на Vivos Voco\)](#)
- [Т.Черноверская. О значении речи «О продовольствии» в эволюции мировоззрения Сен-Жюста](#)
- [М.Булуазо. Комитет Общественного спасения](#)
- [в драме Г.Бюхнера «Смерть Дантона»](#)
- [в драме А.Н.Толстого «Смерть Дантона»](#)
- [в драматической поэме П.Антокольского «Робеспьер и Горгона»](#)
- [в пьесе Л.Фейхтвангера «Вдова Капет»](#)
- [в романе А.Гладилина «Евангелие от Робеспьера»](#)
- [в драматических отрывках Б.Пастернака](#)
- [Сен-Жюст и Робеспьер на Марсовом поле](#)
- [Очень короткая апокрифическая история: Корде и Сен-Жюст](#)
- [Глава X из книги А.Дживелегова «Армия Великой французской революции и ее вожди» \(Комиссары в армии\)](#)
- [Что случается в одну ночь](#)
- [Марта. Герои былых времен](#)
- [«Герой таблоидов и глянцевого журналов»?.. Карнавальная фантазия Наты Мишлетистки](#)
- [Сен-Жюст в фильме, в котором нет Сен-Жюста: отзыв Марты](#)
- [М.Филимонова. Сен-Жюст как архетип революционера в европейской культуре](#)
- [Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты](#)
- В сб. «Из истории якобинской диктатуры (1793-1794 гг.)». Одесса, 1962.
- Текст подготовлен в формате pdf: [1](#), [2](#), [3](#)

[Т.Черноверская. Античность в политическом дискурсе якобинцев и проблема понимания Дебют в Конвенте \(первая речь о суде над королем\). Антуан и Максимилиан. По страницам романа Л.Фейхтвангера «Мудрость чудака»](#)

[Т.Черноверская. Разговор на разных языках: Сен-Жюст и борьба Горы и Жиронды](#)
[В.Шумилов. Сен-Жюст. Живой меч, или Этюд о счастье \(роман\) беседа с автором](#)

Из произведений и речей Сен-Жюста:

[Фрагмент «Республиканских установлений» \(о воспитании\)](#)

[Сен-Жюст о 14 июля 1789 года](#)

[Сен-Жюст как очевидец на празднике Федерации 14 июля 1790 года](#)

[Сен-Жюст в процессе над Людовиком XVI](#)

[Речь 27 декабря 1792 г.](#)

[В прениях о Конституции 1793 года: речь в Конвенте 24 апреля, 24 мая, проект Конституции](#)

[Из переписки Сен-Жюста и Леба](#)

[Речь, начатая Сен-Жюстом на заседании 9 термидора, переданная в бюро Конвента по его распоряжению](#)

Станислав Салмонович*

СЕН-ЖЮСТ — РЕВОЛЮЦИОНЕР-РОМАНТИК (1767—1794)

Stanislaw Salmonowicz.

Saint-Just — rewolucjonista romantyczny.

KWARTALNIK HISTORICZNY.Rocznik LXXI. 1968, № 2. P.323-336.

Перевод с польского

*Il s'agit moins de rendre un peuple heureux,
que de l'empêcher d'être malheureux
N'opprimez pas, voilà tout*

Saint-Just,

«Fragments sur les Institutions Républicaines»

*Дело не столько в том, чтобы сделать народ счастливым,
сколько в том, чтобы помешать ему быть несчастным.*

Не угнетать, вот и все.

Сен-Жюст,

«Фрагменты о республиканских установлениях»

*Павшие ужасной жертвой героического и наичестнейшего
Самопожертвования смертью своею доказали величие
провозглашенных ими истин.*

*Распят Христос, сожжен Гус, страшной смертью
пали Робеспьер, Сен-Жюст, Бабёф.*

«Postep», письмо Польского демократического товарищества, № 1. 26 марта 1834 г.

Ровесниками Сен-Жюста были генералы Революции и маршалы Империи. В 1767 году родились Мюрат и Удино; в 1768 — Гош, Дезе, Мортье, Лористон; затем — Наполеон, Лан, Ней, и многие другие. Одногодком Сен-Жюста был Шатобриан, который был на два года моложе мадам де Сталь.[1] Поколение Сийеса, Мирабо, Талейрана, Мунье и Максимилиана Робеспьера положило начало Революции и определило ее характер. Поколению Сен-Жюста предстояло стать поколением революционного энтузиазма солдат второго года Республики, начать дело реализации и укрепления завоеваний Революции: именно они привели Революцию к победе в общеевропейском масштабе. Международное значение Французской революции настолько велико, что неизменно возбуждает всевозрастающую волну интереса к ее проблемам не только со стороны французских историков. Все это приводит нас к размышлениям над тем всеобщим содержанием, которое несет в себе революционный опыт. Не взвешивая и не раскрывая его, невозможно до конца разобраться во многих основных проблемах истории нашего мира. Трагические узлы общественных противоречий, жертвами которых пали Ру

* О Станиславе Салмоновиче см.: http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#st_slm

и Эбер; дело Польского восстания 1794 года и последующих лет; история немецкого якобинского движения периода Директории и Консульства, ставшая в то время оценкой характера наполеоновских войн — все эти проблемы открывают широкие методологические, если не историографические перспективы. Двухсотлетняя годовщина со дня рождения Сен-Жюста уже принесла некоторые плоды в этой области исследований, несмотря на кажущееся пренебрежение к ней;[2] она же послужила толчком для автора этих заметок, попытавшегося обрисовать захватывающий образ великого якобинца, обращая особое внимание на развитие его мировоззрения и образа мыслей.

Сен-Жюст был человеком действия. Характерной чертой его характера было именно то, что он, подобно романтическому герою, всю полноту своей личности проявлял в действии. Романтический культ энергии, унаследованный Стендалем в его апологии «бейлизма» от героев Революции и Империи, не был чужд уже члену Комитета общественного спасения, самому решительному из комиссаров Конвента. Самое выдающееся, хотя и не законченное произведение Сен-Жюста, *Fragments sur les Institutions Républicaines*, создавалось буквально *dans le feu de l'action* (Р.Мандру). Он набрасывал их в ходе битв и побед Рейнской армии, в промежутках между заседаниями Комитета общественного спасения, Конвента и Якобинского клуба. Поэтому, рисуя портрет Сен-Жюста, характеризуя его образ мыслей, его стремления и его моральный облик, нельзя забывать об этой важнейшей стороне его жизни, которая в равной, если не в большей мере, чем писательский труд, определила его место в истории.

Молодость Сен-Жюста прошла в преддверии Революции; родившийся и выросший в провинции, необычайно одаренный и горячо ищущий своего видения мира и своего в нем места юноша с истинно революционным энтузиазмом следил за событиями 1789-1791 гг. Слово «следил» определяет ситуацию, ибо несмотря на большие таланты, на необычайное очарование, о котором портрет Давида не может дать полного представления, Сен-Жюст оставался провинциальным многообещающим юношей, энергичным воином Революции в масштабе всего лишь местечка Блеранкур в Пикардии. Власть и популярность в это время принадлежали другим, Париж внимал речам Робеспьера, Верньо, Дантона, Бриссо, а не Сен-Жюста. Однако, этот гениальный юноша не только действовал и наблюдал, но и думал. В первые годы Революции, черпая пока еще больше из литературы, чем из революционного опыта,[3] Сен-Жюст написал книгу, которая вышла в 1791 году и сразу привлекла внимание проникательных парижских политиков. *L'Esprit de la Révolution et de la Constitution de France* — первая публикация Сен-Жюста[4] — мыслителя и революционера. Это утверждение не должно, однако, заслонять имеющуюся в тексте *L'Esprit* чистосердечную дань революционному энтузиазму, лирические апострофы, в которых сказывается романтическое видение мира,[5] над которым доминировала присущая людям Просвещения жажда преобразования существующего порядка. *L'Esprit* составляет важный этап в идеологическом развитии автора как оригинальное произведение на фоне политической литературы того времени. Однако, будучи избран в 1792 году в Конвент и приехав в Париж в качестве народного представителя, Сен-Жюст был прежде всего человеком действия. Таким он и остался в памяти современников. Сегодня, благодаря послевоенным публикациям, у нас есть счастливая возможность проследить мысль Сен-Жюста не только в его речах, произнесенных им в Конвенте и в Якобинском клубе, но и в посмертно изданных трудах.[6] Однако, проследить истинный путь формирования взглядов Сен-Жюста не так просто, так как он ведет через развязки не оконченных автором проектов, не продуманных до конца идей, скрытых размышлений, прерванных трагедией 9 термидора.

Сен-Жюст, воспитанный Веком Просвещения, был учеником философов и романтиком в одном лице. Мысли Монтескье,[7] и Вольтера формировали его образ мышления, но особое влияние оказали на него романтические мотивы произведений Жан-Жака, Дидро и других. Оптимизм эпохи связывал Сен-Жюста если и не гармонически, то во всяком случае с большим энтузиазмом, с культом энергии и героического пафоса, не лишённого, однако, элемента романтической ностальгии.[8] Романтическая ностальгия была в этом случае лишь иной формой путешествия в поисках

счастья, которая породила состояние чувств, полное лиризма и романтического настроения.[9] И именно Сен-Жюст, несколько месяцев спустя, в блистательном докладе 13 вантоза (3 марта 1794 г.) перед лицом Конвента провозгласил, что «счастье идея новая для Европы». Романтизм Сен-Жюста был, таким образом, романтизмом людей действия. *Le mal de vivre*, зародившаяся в годы Европейского Священного союза, представлена в лице Жюльена Сореля, воспитанного на Исповеди и сводках Великой армии и обреченного на бесплодные размышления над судьбами и могилами революционеров и солдат Наполеона. *Visage fin encadré de bucles* Сен-Жюста, портрет юноши кисти Давида, экзальтированный автор истории Великого террора назвал *l'ange exterminateur*, ангелом смерти. Если Камилл и Люсиль Демулен[10] были парой романтиков, заблудившихся в дебрях современной политики, которая их перерастала, то Сен-Жюст был романтиком-революционером, которому были чужды слабости Камилла, хотя и не был чужд элемент ностальгии. Экзальтация Камилла не сравнима однако с энергией Сен-Жюста.[11]

На идеях Руссо воспитаны были многие жирондисты во главе с мадам Ролан, равно как и Робеспьер, и представитель санкюлотов. Однако, Жан-Жак представляет не только определенный строй мыслей, определенную философскую позицию, но также и своеобразный стиль жизни и чувств. У порога Революции молодое поколение эпохи Просвещения было уже в своей *façon d'être* романтиками. Напомним, что *Emile ou de l'éducation* это 1762 год, годом раньше едва не была опубликована Новая Элоиза. Год 1770 — завершена Исповедь, это великая дата в зарождении романтических настроений. Этот же год — *Méditations sur les tombeaux* Эрве, годом раньше — французский перевод Ночей Юнга, книги, ставшей книгой поколения Демулена, Шатобриана и Сен-Жюста[12]. Французские переводы Вертера 1776 г. во время Революции неоднократно переиздавались и переделывались. Ностальгические настроения нашли свое выражение в *Paul et Virginie* Бернардена де Сен-Пьера (1788) и в *Réveries du promeneur solitaire* (1781-1790) Жан-Жака.

Но не только романтическое видение мира, античность играла не менее важную роль в формировании интеллекта, взглядов, жизненных устоев, роль своего рода моды или даже культа, которым были окружены в революционной Франции образы древних, напоминавшие о преимуществах античной морали — все это уже неоднократно описывалось.[13] Некоторым исследователям античные вкусы и жесты казались лишь историческим маскарадом парижских буржуа, драпировавшихся в тоги Катонов, выступавших в роли Периклов. И эта точка зрения небезосновательна. Но античность была также и живительным источником формирования интеллектуальных и философских инсинуаций, что особенно существенно в истории понятия патриотизма в истории республиканской мысли. Не претендуя на широту оценки, отметим, что для Сен-Жюста чтение греческих и римских авторов сыграло особенно важную роль, дав не только внешние покровы и украшение выводов, но стало источником формирования моральных норм. Нельзя также забывать о влиянии философии стоиков на его личность и отношение к жизни. Понятие добродетели, которому такое почетное место уделял в своей философии Неподкупный, оставалось всегда среди вопросов, наиболее волновавших Сен-Жюста. А героизм добродетели формировали античные реминисценции.[14]

Политическая мысль Сен-Жюста заслуживает, в свете последних достижений в области исследования его посмертно изданных работ, нового, и при том более цельного подхода.[15] Мигель Абансур, последним предпринявший попытку определить политическую философию Сен-Жюста, начал свой анализ с того, что отбросил наросшие вокруг его образа мифы, и среди них миф о «бунтующем человеке», миф, который особенно привлек во время последней войны внимание писателей типа Камю и Андре Мальро. Историк недоверчиво поверяет «силой вещей» на своем документальном материале обобщения и выводы писателей и философов, для которых отображение истории является лишь звеном в цепи рассуждений, имеющих прежде всего целью разрешить проблемы нашего времени. Соглашаясь в этом с Абансуром, мы тем не менее склонны решительно противопоставить свою точку зрения его стремлению полностью отрицать значение размышлений такого автора, как Камю, над проблемами восстания, его общественных и моральных последствий, центральным образом которых стал трибун якобинской революции.

Был ли Сен-Жюст только верным последователем Жан-Жака, исполнителем его предначертаний? Исследование важнейших его произведений позволяет ответить отрицательно на этот вопрос, хотя Сен-Жюст, несомненно, был руссоистом. Наиболее четко выделил оригинальность Сен-Жюста и его критики Руссо вышеупомянутый Абансур. Вопрос этот требует детального изучения всех произведений Сен-Жюста, причем самой трудной проблемой остается опасность произвольного толкования посмертно изданных произведений Сен-Жюста, которые, вероятно, не лучшим образом отражают его мысли.[16] Основной проблемой его политической мысли остается отношение общества и государства, общества и личности. Сен-Жюст «... annonce le thème du XIX siècle: l'homme — être sociale».[17] Взгляды Сен-Жюста на эти проблемы заслуживают изучения, так же как и другие проблемы, контуры которых, неясные и остающиеся в оппозиции к философии, должны были проясниться для монтаньяров, управлявших страной — это проблемы отправления власти, гарантий демократических установлений. Богатейшая проблематика политической мысли Сен-Жюста заставляет нас коснуться в настоящей работе лишь этих двух аспектов, по его мнению наиболее существенных.

Родившийся в Десизе (Ньевр) Сен-Жюст через родственников отца был глубоко связан с Пикардией, провинцией местечек и деревень. Вспомним, что Французская революция была прежде всего революцией в области собственности, что опорой революционного порядка стали покупатели национальных имуществ — проблема Среды, в которой формировался образ мыслей Сен-Жюста становится основной, и в свете новейших исследований ведет нас к проблеме социальной структуры сельской местности в Пикардии.[18] Вопрос взаимоотношений крестьянства и буржуазной революции до сих пор остается непростым во многих аспектах. Для крестьян, которые мыслили согласно их положению, новыми капиталистическими категориями, путь классовой борьбы был путем естественного союза с городом. Другие, придерживаясь докапиталистических утопий и входя в конфликт с классом новых эксплуататоров, должны были искать представителей и защитников своих неясных стремлений среди утопистов-революционеров из Среды мелкой буржуазии и интеллигенции,[19] или, в худшем случае, попадали на дорогу Вандейского мятежа, которая антикапиталистические стремления должна была связать с контрреволюционными шагами.[20]

В исследованиях Домманже и Абансура подчеркивается влияние сельской Среды Пикардии в формировании социальной мысли Сен-Жюста. Традиции сельской общины, общественные, а не индивидуалистические традиции крестьянских хозяйственных общин Пикардии глубоко повлияли на понимание Сен-Жюстом проблем общественной жизни. Эти новые акценты придают абстрактным, с виду чисто книжным выводам молодого якобинца смысл подлинного общественного опыта, на который они опираются.[21] Критикуя принципы Руссо, Сен-Жюст прежде всего исключил их образ жизни дообщественной личности, заключенный в Общественном договоре, отбросил его во имя нужд общественной жизни, во имя оптимистического видения дел человека, во имя необходимости общественной жизни. Поэтому Сен-Жюст акцентирует общественный инстинкт естественного человека,[22] а из формулировок Жан-Жака отбрасывает все, что не допускало рационального общественного оптимизма. Надо особенно отметить антииндивидуализм, общественный инстинкт Сен-Жюста, напомнив в то же время, что практика коллективного якобинского эгалитаризма, особенно практика армии Республики II года, в значительной мере воплощали эти идеи в жизнь. Общественное видение человека было далеко от эгоистической концепции буржуазного индивидуализма. Если и для Сен-Жюста истинный золотой век общества следовало искать в естественном состоянии, то для него естественное состояние было общественным, а не антиобщественным. Общество было первично, личность — вторична. «Личность как таковая появилась в сущности лишь в процесс разложения общественного организма».[23] Человек добр от природы. Это оптимистическое утверждение вело Сен-Жюста к решению проблемы будущего, чего, впрочем, не содержат его труды. Хотя история не принесла до сих пор счастья человеку, Сен-Жюст верил в неизбежность «добрых времен», в возможность действовать во имя всеобщего счастья.

Существует тенденция активно выделять антикапиталистический акцент во взглядах Сен-Жюста. Дело, однако, не так просто, а от некоторых теоретических формулировок до решения основных общественных проблем буржуазной революции путь был далек.[24] Во взглядах на общественные реформы Сен-Жюст до 1792 г. не был более радикален, чем Барнав или Ламетты. Однако, в драматические 1793-1794 гг. многое изменилось, и нам снова и снова приходят в голову слова, автором которых был не кто иной как Сен-Жюст: «Следует признать, что сила вещей приводит нас к выводам, о которых мы раньше и не помышляли».[25] Сен-Жюст был и остается мелкобуржуазным демократом, врагом привилегированных и богатых, недоверчиво относящимся к деньгам, капиталу и торговле,[26] представителем экономических и общественных иллюзий мелкого производителя.[27] Со всем этим Сен-Жюст соединял истинный, вызывающий симпатию гуманизм: он был человеком, преисполненным сочувствия к бедным и угнетенным, идеалом его жизни была целомудренная простая и честная жизнь собственным трудом.[28] Эгалитаризм Сен-Жюста развивался прежде всего в процессе революционного опыта, и нашел полное выражение в противоречивых в своей сущности принципах вантозских декретов. Следует однако отметить, что Сен-Жюсту были чужды утопические постулаты бабуизма, что он был решительным противником *loi agraire*, что он никогда не отменял институт частной собственности, а только хотел его обобщить в духе лозунгов общественного эгалитаризма. Таким образом, он хотел видеть собственность целомудренной и умеренной, что было неосуществимой утопией.[29]

У порога своей большой политической карьеры Сен-Жюст чтит добрых по своей природе дикарей, отвергал смертную казнь, провозглашал гуманные лозунги и ненавидел тиранию, чтит великие античные примеры и испытывал отвращение к политике. Хотя революционные события многое уточняли, по-прежнему к нему возвращались отзвуки прочитанного в молодые годы, среди которых Женевский философ, безусловно, занимал первое место. Сен-Жюст 1791 г. — идеалист, пацифист, недоверчивый к владыкам мира сего, к тайной дипломатии, к вельможам, придворным и генералам. Не только содержание, но и стилистика, и фразеология[30] текстов Сен-Жюста объясняет нам, почему собственно в Робеспьере и в его речах 1789-1791 гг. он нашел нового учителя, рядом с которым ему предстояло вскоре занять место на скамьях Конвента.

1792-1794 годы принесли с собой новый горький опыт, ставший уделом члена Конвента и прежде всего ведущего члена Великого Комитета общественного спасения эпохи Террора. Пала Жиронда, разгромлены дантонисты, «*une dictature patriotique s'est substituée a la banque libérale*».[31] Новая ситуация породила новые проблемы. Левая историография Французской революции долгое время оставляла на полях своих интересов узкие и трудные проблемы революционной власти. Теперь это представляется недостаточным.

Исторический опыт велит нам отметить оптимистические представления, которые стирают остроту контуров и смягчают (вопреки фактам) трагизм их проявления, также как и представление событий с фаталистической точки зрения, которая все считает обязательно необходимым, а потому утверждает невозможность оценки этих проявлений в контексте оценки гуманистической философии человека. Но здесь недостаточно в качестве морального алиби механистической интерпретации переменных и многоплоскостных конфигураций исторических событий. Трагизм истории у Гегеля — это защита позиции потерянных окопов Святой Троицы. Истинным является трагизм предтеч разума, который в истории победит вместе с прогрессом событий,[32] или трагизм исторической ситуации, когда получается столкновение двух позиций, каждая в иной плоскости событий и дел человека, причем они будут иметь собственный смысл своего существования, находя его в неизбежном и уничтожающем конфликте.

Первое публичное выступление Сен-Жюста в Конвенте состоялось в ходе прений о судьбе Людовика XVI 13 ноября 1792 г. С трибуны Конвента Сен-Жюст сказал: «Царствовать и не быть виновным нельзя. Безумие такого захвата власти совершенно очевидно».[33] Политическим завещанием Сен-Жюста стала его последняя речь в Конвенте 9 термидора, которую ему не дано было закончить. Вот первые слова его текста: «Я не принадлежу ни к какой партии и готов бороться против каждой из них. Но их деятельность будет неизбежно продолжаться до тех пор, пока не издадут законов, обеспечивающих твердые гарантии, не установят границ действия властей и не заставят

человеческую гордость склониться перед свободой».[34] Между этими двумя речами — история драмы якобинской диктатуры. Неразрешимой дилеммой якобинской диктатуры должно было стать то, что необходимость осуществления побед буржуазной революции заставляла пользоваться санкюлотскими методами, опираясь на стремления народных масс. Эти стремления выходили за пределы якобинской программ и беспокоили связанную с революцией крупную буржуазию.

Руководство Комитета общественного спасения 1793-1794 гг. продолжало в этой ситуации линию уступок санкюлотским требованиям (которые находили понимание особенно у Сен-Жюста и террористов типа Бийо-Варенна), удерживаясь однако в пределах безоговорочной борьбы за единство действий.[35] Однако борьба против фракций вела к появлению догмата о неизменной справедливости решений революционного руководства, к применению методов революционного террора в идеологических и тактических дискуссиях в революционном лагере. Официально провозглашенное единодушие, преодоление попыток особого контроля и критики должны были привести вскоре к очень серьезным последствиям. Заглушая прежде всего революционные выступления санкюлотов, руководители Горы начали терять связь с массами: «Высохла, окостенела живая дотоле артерия революции».[36] Так с зимы 1794 г. замерло самостоятельное движение санкюлотов, лояльность и конформизм заняли место революционного энтузиазма. Это явление и связанные с ним опасности раньше всех заметил Сен-Жюст и ударил в набат: «Революция оледенела. Принципы ослабели, остались только красные колпаки, прикрывающие интригу. Террор притупил преступление, подобно тому как крепкие напитки притупляют вкус».[37]

Уроки истории так же поучительны, как и кровавы. Диктатура, символом которой был Робеспьер, должна была стать диктатурой добродетели, без которой террор был бы зловещ, добродетель же без террора — бессильна, согласно известной формулировке Робеспьера.[38] Но кроме Неподкупного действовали люди типа Фуше, Барраса, Тальена, Фрерона, которые были террористами в соответствии с ситуацией, что не мешало им удаляться от образцов поведения, которое Робеспьер и Сен-Жюст считали обязательным. Итак, моральной диктатуры было недостаточно. Могло ли спасти ее установление единоличной диктатуры Робеспьера? Известен взгляд Жоржа Лефевра, согласно которому Робеспьер, «быть может под влиянием взглядов Сен-Жюста о необходимости гарантии добродетели добрыми институтами», стремился к установлению диктатуры как к окончательному завершению процесса концентрации власти.[39] Закрепление начатого утверждения власти террора ничего не спасало, не было положительным явлением: этим, собственно, подчеркивался процесс отрыва руководства Горы от санкюлотских масс.[40] Оно было выражением нарастающей психической и физической усталости руководства Горы в связи с победой над внешним врагом и контрреволюцией и отсутствием ясной перспективы дальнейшего политического и общественного развития.[41]

Пропасть между санкюлотами Парижа и Комитетом общественного спасения окончательно вырыл процесс Эбера.[42] Это окостенение и самоизживание якобинской диктатуры Робеспьер не вполне осознавал. Сен-Жюст, который в борьбе с внешним врагом сохранял ежедневный контакт с армией, оказался реалистом. Его тексты последних месяцев жизни служат тому явным доказательством. Редко случается в истории, чтобы тексты, принадлежащие перу одного из главных действующих лиц драмы несли в себе такой заряд самопознания и умения анализировать свое положение. Это порождало, однако, невеселые мысли. Такое состояние духа было присуще и Робеспьеру, который в последние недели, предшествовавшие событиям 9 термидора, оказался в состоянии огромной психической усталости, вызванной годами борьбы с трудностями, превышающими силы отдельного человека. Мысли Сен-Жюста, заключенные в неоконченных заметках, посвященных республиканским установлениям, «показывают проницательность и идеализм молодого человека, борющегося с трагедией, которая захватила большинство его современников».[43] Необычайный подъем эпохи, ошеломляющая конденсация событий во времени — все это порождало непреодолимое стремление понять действительность и оценить ее новой формулой. Так появились фрагменты программы и оценки опыта Революции, которые, по нашему мнению, составляют ценнейшее звено в идеологическом развитии Сен-Жюста.

Исходным пунктом его мысли о создании республиканских установлений было глубокое убеждение, порожденное по-видимому историей борьбы в революционном лагере, что гарантией справедливого строя являются установления, а не личности.[44] Это был отход от оптимистического представления о человеке, выражение горького суждения о механизме власти, ее, сказали бы мы теперь, Великом Механизме. Это тем более ценно, что мысли эти вышли из-под пера не теоретика, оторванного от действительности, но человека, который в самое драматическое время Революции стоял у руля власти. Многократно повторяемая Сен-Жюстом мысль, что дело воспитания человека и построения новых установлений как гарантии справедливого строя представляются необходимым условием подлинного осуществления этого строя, — это мысль, близкая нашему времени. Сен-Жюст, впрочем, задал и риторический вопрос: «*Quid Leges sine Moribus*» (какие законы без нравов), однако в целом, в согласии с основной тенденцией эпохи Просвещения, он придавал большое значение творческой роли законодателя в общественной жизни.[45] Создатели системы террора, согласно замечательному высказыванию Ж.Дотри, осуществляли свои политические и общественные концепции, работая на человеческой коже (*sur la peau humaine*). Сознывая это положение, Сен-Жюст писал: «То, что приносит общее благо, является страшным, либо представляется таковым, если делается преждевременно».[46] Ища ответа на вопрос, каким образом уберечь управляемых от деморализации, от неспособности или тирании правящих, он писал: «При отсутствии установлений сила республики опирается либо на заслуги личностей, слабых и смертных, либо на чрезвычайные средства... Установления, сила и справедливость нерушимых законов должны преодолеть личное влияние. Революция тогда упрочится, не будет ни зависти, ни фикций, ни претензий, ни клеветы».[47] Не отступая на практике перед террористическими решениями безусловного характера, Сен-Жюст тем не менее, видел все яснее, что террор не может быть основой управления: «... террор может освободить нас от монархии и аристократии, но что избавит нас от коррупции?... Установления».[48] С течением времени мысли Сен-Жюста становятся все более горькими. На фронте дело было просто, линия раздела между другом и врагом ясна.[49] С каждым возвращением в Париж возвращались большие проблемы, выявлялись противоречия, преодолеть которые было не под силу наиболее самоотверженно настроенным представителям Горы. Последние месяцы перед термидорианским переворотом были и попыткой удержаться у власти, потерявшей перспективу в связи с победой над внутренним и внешним врагом, что обеспечивало удержание этой власти. Тогда-то и возникла, вероятно, заметка, в которой читаем: «Выступая против злого управления мы охотно считаем себя ригористами в делах принципов, но, как нередко встречается, придя к власти, отбрасываем принципы, ставя на их место свою волю».[50]

Мечтой Сен-Жюста было создания для Франции этих истинных гарантий. Но ему не дано было осуществить свои мечты. Знакомство с Фрагментами о Республиканских установлениях позволяет нам лучше понять драму 8 термидора, то, что люди действия типа Сен-Жюста перед лицом нарастающего конфликта, разрешения которого они не видели, в ситуации, которая была выше их воли к борьбе, от этой борьбы отказались, не видя вообще шансов на победу. Сен-Жюст, как и Робеспьер, неоднократно возвращался к проблематике жертвы жизнью, к вопросу об отношении к смерти.[51] В своих заметках он писал: «В тот день, когда я убежусь, что французскому народу нельзя будет внушить более умеренные обычаи, энергию, чувствительность и ненависть к тирании и несправедливости, в тот день я пронжу себя кинжалом».[52] Робеспьер, как и Сен-Жюст, имел глубокое убеждение, что потомство положительно оценит их деятельность. Убеждение это, несомненно, укрепляло стоицизм поведения Сен-Жюста, оно объясняет нам загадку его героической капитуляции, его поведения в последние часы жизни.[53]

На пороге этого очерка мы напомнили фрагмент статьи из журнала Польского демократического товарищества, которая, ссылаясь на мысль Сен-Жюста, ставит его рядом с Бабёфом в ряду мучеников за дело народа.[54] Во Франции период Реставрации, период Европейских мятежей на пороге весны народов — это было время возвращения к якобинской мысли. Дальнейшая судьба памяти Сен-Жюста в XIX веке не была простой. Вместе с завершением периода буржуазной революционности Великий Террор, а вместе с ним и фигуры Робеспьера и Сен-Жюста либо оказались в забвении, либо память их

подвергалась осуждению. Историографии возрождения памяти Сен-Жюста пришлось долго ждать. Матьезовская реабилитация Робеспьера открыла эту дорогу, хотя то, что в нем видели лишь верного соратника Неподкупного, не позволяло заметить в нем фигуру организатора побед, так же как и оригинальность его мысли. На пороге II Мировой войны свои первые работы посвятил Сен-Жюсту Альбер Собуль, который и по сей день остается лучшим знатоком его творчества. Истинное возрождение мыслей Сен-Жюста принесли, однако, годы Сопrotивления. Для Французского Résistance мысли Сен-Жюста представляли собой вершину якобинизма.[55] Якобинизм Сопrotивления не требуется обосновывать. Сопrotивление гнету, борьба с чужеземной тиранией объединили в опыте таких людей как Арагон, Веркор, Андре Мальро, Жак Маритэн. L'Esprit de la Résistance породил великое произведение Камю L'Homme révolté, в котором он поставил великие вопросы своего времени. Но если эхо Французской революции придало у Камю колорит горькому опыту времен позора, то его видение дела революции и бунта против силы было точкой зрения антифашиста и гуманиста нашего времени.[56]

Ожидая казни в Парижской Консьержери, Сен-Жюст, увидев висящую на стене зала Декларацию прав, воскликнул: «C'est pourant moi qui ai fait cela!». Плодом юбилейных, да и вообще более новых исследований в области этой Великой Революции должно стать всестороннее изучение роли Сен-Жюста в истории так же как и значение его письменного наследия для европейской мысли.[57]

В примечаниях цитаты, приведенные автором по-французски, как правило, переведены на русский язык; к цитатам из Сен-Жюста в скобках указана страница по изданию: Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. М., 1995.

[1] *Considérations sur la Révolution Française* (1817) мадам де Сталь стали Библией либерализма в эпоху Реставрации и оказали серьезное влияние на взгляды ведущего историка эпохи романтизма Огюстена Тьерри см. мои замечание в статье *Zapomniany recopis Antoniego Darnave (Z dziejow mysl i historycznej Rewolucji Francuskiej)* «Kwart. Hist.» 1964, nr 1, s. 105. (Забятая рукопись Антуана Барнава (из истории исторической мысли Французской революции)

[2] Для оценки современного состояния см. в частности ставшую в наши дни классической работу А.Собуля *Saint-Just, ses idées politiques et sociales*. Paris, 1937 (II изд. 1946). см. мои общие замечания *Ze studiow nad Saint-Justem*. «Kwart. Hist.» 1958, nr 3, (Из изучения Сен-Жюста), а также P.Leuilliot, *La sensibilité dans l'histoire : a propos de Saint-Just*. «Annales Ec. Soc. Civilisations» 1956, nr 3.

[3] В последнее время (M.Abensour) обращает внимание на социальный опыт Сен-Жюста, который сформировал его взгляды. Но нельзя и игнорировать в свете анализа текстов его ранних работ огромного и осознанного влияния литературы дореволюционного периода и вышедшей в первые годы революции. Поэтому представляется оправданным тезис о своеобразии влияния Руссо на интеллектуальную деятельность Сен-Жюста в период с 1789 по 1792 г.

[4] Мы руководствуемся изданием R. Mandrou : *Saint-Just, L'Esprit de la Révolution suivi de : Fragments sur les Institutions Républicaines*. Paris. 1963, coll. 10/18. Аутентичный текст Фрагментов впервые представил А.Собуль, *Les institutions républicaines de Saint-Just d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale*. AHRF, 1948 juill.-septembre, который проделал работу по подготовке к изданию двуязычной публикации в Италии *Frammenti sulle Istituzioni repubblicane*. Milano, 1952. Единственный польский перевод избранных трудов Сен-Жюста *Saint-Just, Wybor pism*, opr. J.Bibrowska. Warszawa 1954, не дает нам полной картины мысли Сен-Жюста.

[5] Вот примеры: s. 37 «Нет ничего приятнее для слуха свободы, чем сумятица и крики в народном собрании: там пробуждаются великие души; там разоблачаются подлости; там достоинство блещет во всей своей силе; там все, что ложно, отступает перед истиной».(195) На стр. 61 написано о проблеме незаконнорождённых: «Всякая добродетельная отчизна должна стать матерью тех несчастных, кому стыд и бесчестье отказали в молоке и в естественных ласках... Незаконнорождённый, в тысячу раз более обездоленный, чем сирота, ищет себя в целом мире; всех, кого он видит, он вопрошает о тайне своего рождения...»(210)

[6] И такой весомый текст «de la nature, de l'état civil, de la cité ou les règles de l'indépendance du gouvernement» относящийся, согласно последним изысканиям, к рубежу 1791-92 гг., остался в рукописи, см. M Abensour. *La philosophie politique de Saint-Just. Problématiques et cadres sociaux*. AHRF, 1966, nr 183, 186, см. также Soboul A. *Un manuscrit inédit de Saint-Just*. AHRF. 1951, oct.-décembre.

[7] Abensour, op. cit. I, s. 1 : «Тот, кто написал "восемнадцатый век должен быть помещен в Пантеон" в полной мере принадлежал своему веку, и не подвергал сомнению осознанную гордость».

[8] Таким образом чувствительность романтизма сочеталась со скептицизмом в отношении оптимистической философии Просвещения, ее надежд на счастье. См. M.Reinard, *Nostalgie et service militaire pendant la Révolution*. AHRF, 1958, janvier-mars, вообще см. позицию J.Fabre, Adam Mickiewicz et l'Héritage des Lumières (w :) *Lumières et Romantisme, De Rousseau a Mickiewicz, Energie te Nostalgie*. Paris 1963.

[9] См. P.Van Tieghem, *Le sentiment de la nature dans le préromantisme européen*. Paris 1960 ; его же, *La Poésie de Nuit et des Tombeaux en Europe du XVIII siècle*. Mémoires de L'Académie Royale de Belgique. Bruxelles 1921.

[10] См. мой очерк о К.Демулене под названием *Dziennikarz Rewolucji* (w :) *Francja pod jakobinska gwiazda. Szkice z dziejow Rewolucji Francuskiej*. (Журналист революции. В кн: Франция под якобинской звездой. Очерки истории Французской революции) Warszawa 1966.

[11] M.Dommanget. *La question agraire chez Saint-Just dans ses rapports avec ses origines paternelles et la terre Picard*. AHRF 1966, nr 183, janv.-mars, s. 54, пишет о неутолимом динамизме Сен-Жюста.

[12] Этот романтический руссоистский подход не был чужд и Польше конца XVIII в, см. B.Lesnorski, *La pensée politique de Rousseau en Pologne*. AHRF 1962, oct.-décembre, особенно s. 494.

[13] См. мои замечания в рецензии на *Actes du Colloque G Romme*. « Kwart. Hhist. » 1967, nr 1. S. 205-206.

[14] См. D.Mornet, *La pensée française au XVIII s*. Paris 1963, s. 141-143 ; D.Parker, *The cult of antiquity and the French revolutionaries*. AHRF, 1838, sept.-octobre ;

[15] Новейшая попытка, предпринятая в этом направлении М. Абансуром, не разрешает проблемы в целом.

[16] С этой точки зрения мы придерживаемся мнения, что на первое место при анализе следует поставить текст *L'Esprit de la Constitution*, посмертные же тексты требуют интерпретации, учитывающей их эскизный характер.

[17] Abensour, op. cit. II, s. 349.

[18] M.Dommanget op. cit. s. 35 пишет: «влияние пикардийской деревни было настолько сильным, что его следы обнаруживаются в его взглядах и зачастую мотивирует его точку зрения»

[19] См. Abensour, op. cit. II, s. 350 n., который идет дальше Домманже, говоря о далеко идущих планах общественных преобразований, которые вырастают у Сен-Жюста из наблюдений сельской общины Пикардии, и с этим опытом молодости связывает также идею вантозских декретов.

[20] См. мои примечания в статье *Wandea - anatomia ludowej kontrewolucji*. « Kwart. Hhist. » 1967, nr 4.

[21] Материалы дает также статья M.A.Charmelot *Autour de Saint-Just*. AHRF, 1966, nr 183, janv.-mars.

[22] Abensour, op. cit. II, s. 347 : «... он принимал естественное общество настолько всерьез, что отбрасывал общественный договор, порывая таким образом с индивидуализмом, и более того, с буржуазным пониманием об обществе природном и об обществе вообще».

[23] Abensour, op. cit. I, s. 5.

[24] По нашему мнению, при оценке мысли Сен-Жюста нельзя забывать о тех образцах которым он следовал, нельзя при интерпретации обходить его юношескую склонность к патетике, к тем экспрессивным формулировкам, которые стали чертой его писательского стиля.

[25] Эти слова становятся девизом и лейтмотивом известной монографии Ollivier, см. Leuilliot, op. cit.

[26] Во взглядах Сен-Жюста на экономические проблемы, и особенно на проблемы финансов и торговли, было немало дилетантизма

[27] В этом он был непосредственным учеником Руссо, см. A.Soboul *L'audience des Lumières sous la Révolution. J.J.Rousseau et les classes populaires* (w :) *Utopie et Institutions au XVIII siècle. Le Pragmatisme des Lumières*. Paris et la Haye 1963, s. 303 : «Мир ремесленников и лавочников, со всей своей множественностью нюансов от весьма солидного достатка до крайне стеснительной нужды, находил себя во всех своих противоречиях в мысли Руссо»

[28] В период правительства Террора санкюлоты, так же как и ораторы Горы во главе с Робеспьером и Сен-Жюстом, провозглашали презрение к роскоши и идеал простой и честной жизни.

[29] M.Dommanget op. cit. s. 54 справедливо отмечает, что из под пера Сен-Жюста: «Не вышло текста, подобного по социальной насыщенности текстам Бабёфа».

[30] Точные и краткие формулировки Сен-Жюста дали повод Альберту Камю сказать о нем: «это стиль гильотины» (*L'Homme Revolté*. Paris 1960, Gallimard, s. 159).

[31] Ch.Morazé, *Les Bourgeois Conquérants*. Paris 1957, s. 126.

[32] «Другие актеры пришли слишком рано. Они говорят уже о проблемах следующего акта, не видят, что сцена еще не приготовлена для них. Хотят ускорить представление, но сделать это им не удастся, так как все акты должны быть сыграны по очереди. Те, кто появился слишком рано, оказываются также выброшены со сцены». J.Kott, « Krol Lear » czyli Koncowka (w :) Swekspir wspolczesny. Warszawa 1965, s. 172.

[33] Цит. по изданию Bibrowskiej, s. 16.

[34] Ibidem, s. 178.

[35] См. в целом G.Lefebvre, Das Gesetz vom 22 Prairial des Jahres II (w :) Jakobiner und Sanculotten. Beitrage zur Geschichte der Franzosischer Revolutionsregierung 1793-1794, hrsg. von W.Markow. Berlin 1956, прежде всего s. 130-134, а также его же A la mémoire de M.Robespierre (w :) Maximilienne Robespierre (1758-1794). Beitrage zu seinem 200. Geburtstag, hrsg. von W.Markow. Berlin 1958, там же интересные замечания Гёринга, Robespierre, прежде всего s. 96.

[36] B.Lesniodorski, Paryscy sankiuloci w roku drugim. « Kwart. Hhist. » 1961, nr 4. s. 1053.

[37] См.: Bibrowska, s. 240.

[38] См. общие замечания A .Soboul, Robespierre ou les contradictions du jacobinisme. AUMCS, Sectio XVII, 1962, nr 2.

[39] Во вступлении к Фрагментам, цит. изд., стр. 131 в то время Сен-Жюст пометил: «Установления есть гарантия правительства свободного народа от разложения нравов, и гарантия народа и гражданина от разложения правительства» (277).

[40] В результате судебных чисток, затронувших также и санкюлотские круги, они утратили ориентацию и политическую активность, пассивно подчиняются указаниям сверху «... направляя адреса, составленные в печально похожей форме, напыщенной и пустой, эти люди. (то есть жертвы чисток - S.S.) были виновны, потому что Конвент и Комитет общественного спасения так сказали...» R.Cobb, Quelques aspects de la mentalité révolutionnaire (Avril 1793- Thermidor An II) (w :) его же Terreure et Subsistances 1793-1795, Etudes d'Histoire Révolutionnaire. Paris 1965, s. 13. Процесс отрыва вождей от масс происходил постепенно, не зависел от их субъективной позиции, так как вытекал из общего состояния общественных и политических отношений. Стоит обратить внимание на слова Сен-Жюста, который в ту эпоху отметил во Фрагментах op. cit. s. 147 : «Если в народе укоренился предрассудок, что своим счастьем он обязан тем, кто им управляет, он недолго сохранит свое счастье...» (289)

[41] Soboul, Robespierre ou les contradictions... s. 22 : «... свержение революционного правительства под руководством буржуазии и при поддержке народа было вписано в ход истории: победа упрочилась, противоречия обострились».

[42] В этой судебной чистке Сен-Жюст в составе Комитета общественного спасения сыграл ведущую роль, см. L.Jacob Robespierre und der Hebertismus (w :) Jakobiner und Sanculotten..., s. 252, в целом мои замечания Sadownictwo rewolucyjne we Francji w latach 1792-1794. ZNUJ, Prawo 3, прежде всего s. 226, 235-236.

[43] L'Esprit de la Révolution, введение R. Mandrou, s. 9.

[44] Fragments, s. 132.

[45] Об этом аспекте мысли эпохи Просвещения см. мои замечания в работе Prawo karne oswiesconego absolutizmu. Z dziejow Kodyfikacji karnych przelomu XVIII/XIX w. (Уголовное право абсолютизма эпохи Просвещения. Из истории уловных кодексов рубежа XVIII и XIX вв.) RTNT 1966, s.18-20.

[46] Fragments, s.148.

[47] Ibidem, s.134.

[48] Ibidem, s.141.

[49] См. Soboul, Sur la mission de Saint-Just a l'armée du Rhine. AHRF 1954, janvier-mars.

[50] Fragments, s.148.

[51] Abensour, op.cit. II, s.357, пишет: «Осознание невозможности действия не давало покоя духу Сен-Жюста». Стоицизм позиции Сен-Жюста рассматривает также H.Koplenig в очерке Der junge Held (w :) Geburt der Freiheit. Gestalten und Ereignisse Frankreich 1789-1794. Berlin 1964, s. 253. О проблеме отношения к самоубийству среди лидеров якобинцев см. мои примечания в рецензии на Actes de Colloqua G. Romme.

[52] Fragments, s.144.

[53] См. мнение Camus, op.cit., s.148, 164 ; J.Ratineaud, Robespierre. Paris 1960, s. 166, рассказывая о событиях 9 термидора, пишет о Сен-Жюсте, что истинная природа самого выдающегося из товарищей Робеспьера навсегда останется загадкой. Мы думаем, что в свете интеллектуальной биографии этого романтика революции такой взгляд слишком пессимистичен.

[54] См. S.Kalembka, TPD w latach 1832-1846. RTNT 1966, s.127. Идея организации революционной деятельности, которую сформулировал бабувизм, во многом была обязана своим появлением анализу опыта деятельности Робеспьера и Сен-Жюста, см. мои замечания в кн. Wokół Babeufa. «Kwart. Hhist.» 1965, nr 4. s.935.

[55] См. замечательную характеристику якобинских традиций Движения Сопротивления у Гастона-Мартена Les Jacobins. Paris 1963, Que-Sais-Je, s.116-119. Французские историки, которые пережили опыт Движения Сопротивления после войны нередко подходили по новому к проблемам французской революции.

[56] А.Камю, восславляя la séculaire volonté de ne pas subir, которая была сутью Движения Сопротивления одновременно отбрасывал понятие революции любой ценой, протестовал против нее с гуманистических позиций.

[57] Сен-Жюст осознавал эту роль в словах, которые звучат как завещание: «Я презираю тот прах, из которого состою и который говорит с вами; его можно преследовать и предать смерти, этот прах! Но меня нельзя лишить той независимой жизни, которую я создал себе в веках и на небесах...» (279) Fragments, s.133.